VL 266/86

2007044199

И 266/86

ЗАПИСКИ ОФИЦЕРА

ВЪ ВОЗНЕСЕНСКОМЪ ПОХОДѢ

1837 года.

В. В. Селиванова.

РЯЗАНЬ.
Типографія Губ. Правленія.
1892.

10

Цѣна 20 коп.

10204
17

И 266/86

ЗАПИСКИ ОФИЦЕРА

ВЪ ВОЗНЕСЕНСКОМЪ ПОХОДѢ

1837 года.

В. В. Селиванова.

РЯЗАНЬ.
Типографія Губ. Правленія.
1892.

Печатать разр. Чинов. Особ. Поруч. А. Селивановъ.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА

352644

ЗАПИСКИ ОФИЦЕРА ВЪ ВОЗНЕСЕНСКОМЪ ПОХОДѢ

1837 года *).

Городъ Богодуховъ.

Было время, когда слово походъ волновало душу. Было время, когда звукъ трубы, ржаніе лошадей, послѣдній прощальный говоръ отходящихъ кипятили кровь,—и мысль о безграничномъ просторѣ полей, видъ незнакомыхъ городовъ, кочевая безпечная жизнь—свобода и разгулъ воображенію, облекали походъ въ какіе-то радужные оттѣнки. Было время. . Куда-жъ дѣвалось оно?...

Отъ чего жъ теперь я такъ задумчивъ? Отъ чего видъ опустѣвшей квартиры предъ выступленіемъ павелъ на меня унынie?.. Не отъ того-ли, что въ былое время и на жизнь смотрѣлъ я, какъ на тихій, ни чѣмъ не возмущаемый потокъ, плавно текущій въ живописныхъ цвѣтущихъ берегахъ, отражая только ясную лазурь неба или красавицу ночи—луну!.. Но, проходя путь жизни, я узналъ по опыту, что тотъ потокъ бываетъ часто возмущаемъ грязною тиною страстей, что не одно ясное небо

*) Записки эти принадлежатъ перу покойнаго автора „Года русскаго земледѣльца“, Вас. Вас. Селиванову, и сохранились въ моемъ семейномъ архивѣ, въ числѣ многихъ неизданныхъ сочиненій моего отца. *А. Селивановъ.*

и не скромную луну отражаетъ въ струяхъ своихъ, но часто смотрится въ него съ своими жгучими лучами и солнце честолюбія, и мрачныя тучи неожиданныхъ бѣдствій; узналъ, что не всегда течетъ онъ плавно, а чаще бушуетъ, пѣнится, и въ бурныхъ волнахъ своихъ готовитъ могилы для любви, надежды и добродѣтели...

Прежде... всякая радость, всякое наслажденіе, какъ-бы велики они не были, не заставляли желать остановить на мигъ теченіе времени, чтобъ долже наслаждаться ими:—я думалъ, пройдетъ оно, наступитъ другое... но теперь, когда знаю, что за радостію непремѣнно слѣдуетъ горе, я бы желалъ удержать время—но, не умолимое, оно летитъ, летитъ... влечетъ за собою новое горе, но минувшихъ радостей не возвращаетъ!

И въ походѣ, какъ въ жизни: смотришь впередъ вдаль.—Тамъ все такъ свѣтло, такъ радостно. Города красуются зданіями; деревни и селы изобиліемъ и мирною тишиною; но какъ часто все это бываетъ обманчиво вблизи: яркая зелень луговъ представляется взорамъ тѣнистымъ болотомъ, въ которомъ гнѣздится ядовитыя гадины; зданія городовъ превращаются въ ничтожныя, часто полуразрушенныя строенія, гдѣ обитаетъ порокъ и не образованность; а въ мирныхъ хижинахъ селеній встрѣчаемъ нищету и невѣжество, прикрывающія тѣже страсти, тоже себялюбіе, тоже ничтожество, хотя и не подъ модною шляпкою и не подъ нѣмецкимъ парикомъ...

Не всегда воздухъ полей бываетъ благотворенъ. Часто жаръ палящихъ лучей солнца сгущаетъ атмосферу, вѣтеръ несетъ въ лицо и въ глаза пыль и, удушая, истребляетъ всякое

чувство. Не всегда попадается хорошая квартира, но чаще тараканы, мухи, сквозной вѣтеръ и безобразная хозяйка... заставляютъ жалѣть объ утомительномъ переходѣ.

— Испытавъ все это, не разъ побродивши въ походахъ, я не могу удержаться отъ вздоха, когда должно мнѣ оставить, иногда, самую посредственную квартиру, на которой, хотя и знавъ горе, но были также и отрадныя минуты: тутъ предавался я сладкой мечтѣ воспоминанія, на этомъ мѣстѣ читалъ завѣтное письмо, услышалъ отрадную новость, видѣлъ пріятный сонъ... и вотъ, и стѣны сдѣлались милы, и лавка, и столъ кажутся удобными,—я свыкся съ ними, какъ умирающій, оставляя печальную, полную страданіями жизнь, тоскуетъ о ней, потому что къ ней привыкъ, потому что и между страданіями просвѣчивали искры надежды, а будущее... покрыто непроницаемымъ мракомъ неизвѣстности!..

Цѣлый мѣсяцъ дивизія наша предъ выступленіемъ въ Вознесенскъ стояла въ сборѣ при городѣ Бѣлгородѣ; и вотъ отсюда я начинаю писать мои записки, пишу, и самъ незнаю, съ какою цѣлью; кажется отъ скуки, отъ нечего дѣлать.

Іюня 1837 года, часу въ шестомъ утра я былъ разбуженъ словами: «пора вставать»! открываю глаза, смотрю,—передо мною стоитъ одинъ изъ моихъ товарищей, уже готовый къ походу, въ ледункѣ и перетянутый шарфомъ. Безпечность и равнодушіе были написаны на лицѣ его, а я... со вздохомъ всталъ и началъ одѣваться.

Погода была ненастная. Сѣрыя тучи обложили небо, частый дождикъ шумѣлъ и ручьи воды струились по всѣмъ направленіямъ. За-

сѣдланная лошадь стояла у крыльца, роя копытомъ землю, не отъ нетерпѣнія, но съ тоскою опустивъ голову, казалось отвѣчала мрачному расположенію духа своего хозяина.

Но вотъ, звукъ трубы походной раздался— и эскадроны двинулись на сборное мѣсто.

Предъ начатіемъ молебна, который долженъ былъ предшествовать походу, и до прибытія генерала эскадроны спѣшились. Офицеры стали сходиться въ кружки, шутки, остроты, хохотъ слышались въ каждомъ, коротенькія трубки и цыгары дымились, переходя изъ устъ въ уста. Всѣ были веселы, но по выраженію лицъ можно было читать самыя сокровенныя тайны сердецъ: тотъ, закинувъ голову и съ серьезно веселымъ взглядомъ, оглядываясь на всѣ стороны, какъ будто уже чуствовалъ пріятную тягость на шеѣ, отъ Анны или Станислава— справедливая награда его службы, или какъ слѣдствіе удачнаго смотра. Другой готовился приклеить лишнію звѣздочку, или совсѣмъ снять ихъ съ своего эполета... Третій, не ожидая ни того ни другаго, но привыкнувъ къ безпечности души, заранѣе радовался пріятному зрѣлищу, какое его ожидаетъ на поляхъ Вознесенскихъ. Юные ожидали денежныхъ наградъ и въ умѣ расчитывали уплату долговъ...

Жалки мнѣ казались они съ ихъ мелочною суетностью... Но что волновало и мою душу? Люди, люди! зачѣмъ проникать вамъ въ мои сокровенныя тайны? что вамъ въ нихъ? Вы ихъ не поймете, вы осмѣете меня! Но вотъ пріѣхалъ начальникъ дивизіи. Скомандовали *садись! живера долой!* и молебенъ начался.

По окончаніи молебна, музыка заиграла и полкъ повзводно длинною тесьмою потянулся мимо генерала на большую дорогу. Въ послѣд-

ній разъ оглянулся я назадъ, вздохнулъ изъ глубины души и, опустивъ поводья, далъ лошади волю идти, какъ ей угодно...

Теперь мы въ Богодуховѣ. Городъ не великъ, не опрятенъ, неправеленъ... Мѣстоположеніе унылое. Цѣлый вечеръ на площади играли наши трубачи и пѣли пѣсенники.—Жители были въ восторгѣ. Это первый городъ Малороссіи.

Мѣстечко Опошня.

Іюля 4 дня.

Проснувшись послѣ обѣда, я взглянулъ на часы, было четыре часа. Что стану я теперь дѣлать, подумалъ я; не пойдти ли мнѣ на тотъ курганъ, который, я замѣтилъ, возвышался среди лѣса и овраговъ—въ правой сторонѣ отъ дороги, когда мы подходили къ Опошнѣ? Но до него будетъ отъ моей квартиры версты четыре, по крайней мѣрѣ... Что-жъ за бѣда: теперь я отдохнулъ, усталости походной не чувствую,—пойду.

Взявъ бумагу и карандашъ и, подкрѣпивъ еще силы свои двумя рюмками наливки, которыя предложилъ мнѣ мой хозяинъ (Малороссія въ аллегорическомъ видѣ), я пошелъ.

Вышедъ на большую дорогу, я повернулъ путь мой къ кургану. Изъ за лѣсовъ онъ, какъ гигантъ, гордо возвышался надъ окрестностію и какъ будто съ пренебреженіемъ смотрѣлъ на всѣ окружающіе его предметы. Дороги къ нему не было, я пошелъ на счастіе прямо, чрезъ глубокіе овраги, поросшіе лѣсомъ и густымъ кустарникомъ. Карабкаясь по крутымъ отлогостямъ, перелѣзая чрезъ поломанныя бурею деревья и продираясь чрезъ кустарникъ, я выб-

рался, наконецъ, чрезъ добрыхъ полчаса, на открытое мѣсто къ подошвѣ кургана. Еще не много труда... и я былъ уже на его вершинѣ.

Какими словами въ состояніи я перелить на бумагу величіе природы, всю прелесть того, что открылось глазамъ моимъ. Я былъ какъ будто окруженъ необозримою панорамою, сцѣпленною изъ очаровательныхъ видовъ; но они не для кисти, не для карандаша. Природа, какъ будто изъ гордости, не хотѣла въ этомъ мѣстѣ быть натурщицею для смертныхъ и, казалось, хотѣла сама быть неподражаемою картиною.

Впереди чрезъ лѣсъ, верстахъ въ полутора внизу, близъ извучистой и болотистой Ворсклы виднѣлся куполъ церкви и нѣсколько домиковъ села *Млиновъ*. Далѣе текла Ворскла узкими и поросшими тростникомъ рукавами, чрезъ которыя перекидывались мосты большой Харьковской дороги. Далѣе открывалось пространство верстъ на 40, покрытое лѣсами, между ними въ перелѣскахъ мелькали хутора, виднѣлись мѣстечки и деревеньки; постепенно отдаляясь отъ зрѣнія, всѣ предметы какъ будто возвышались уступами, становились синѣе, блѣдиѣе—и, наконецъ, сливались съ горизонтомъ.

На лѣво чрезъ просѣку виднѣлось кладбище и нѣсколько хуторовъ; на право и позади меня лѣса и долины раскидывались очаровательными амфитеатрами.

Самый курганъ, на которомъ стоялъ я, былъ по видимому насыпной; ничто иное, какъ древняя могила, или памятникъ битвы народовъ, давно уже исчезнувшихъ съ лица земли...

Взошедъ на курганъ, я былъ сначала пораженъ красотою открывшихся предо-мною видовъ. Никогда въ жизнь мою я не видывалъ ничего подобнаго! Какъ бѣдна сѣверная природа въ

сравненіи съ южною... Ихъ можно назвать двумя сестрами: первая иногда бываетъ холодно-величественна, другая—пылко-очаровательна.

Усталость заставила меня прилечь на траву. Солнце приближалось къ окончанію своего пути; красновато-золотые лучи его, обливая предметы, придавали всему какой-то особенно прелестный колоритъ. Небо было безоблачно и синѣлось, какъ очи херувима. Какая-то нѣга, свойственная только южному краю, легла на каждую травку, на каждый листокъ, на каждое деревцо... Какъ легко дышалъ я ароматнымъ, вечернимъ воздухомъ, долго я смотрѣлъ на всѣ стороны... и задумался.

На право на полугорѣ чрезъ вершину лѣса виднѣлись еще остатки полевыхъ укрѣпленій строенныхъ вѣроятно для удержанія переправы чрезъ Ворсклу шведскихъ отрядовъ. Съ этихъ береговъ, думалъ я, звукъ русскаго оружія начиналъ гремѣть славою по Европѣ; можетъ быть исполинъ царь, объѣзжая линію войскъ своихъ, останавливался на этомъ редутѣ, устремивъ взоры свои на мѣсто переправы, измѣрялъ взорами пространство и направлялъ огонь артиллеріи, чтобы привѣтствовать картечью и ядрами на югъ россіи незванныхъ гостей сѣвера... А тамъ за рѣкою непобѣдимый Карлъ, предводя желѣзными батальонами шведовъ, съ хладнокровіемъ въ лицѣ, но въ душѣ можетъ быть съ тайнымъ ужасомъ, видѣлъ успѣхи своихъ учениковъ и, потерявъ уже большую часть своей артиллеріи, надѣялся еще на кровавую звѣзду военнаго своего счастія. Въ русскихъ онъ помнилъ еще бѣглецовъ нарвскихъ... Тогда еще не рокоталъ надъ нимъ громъ Полтавы, тогда нога его еще не была прострѣлена русской пулею.

За рѣкою верстахъ въ пяти съ кургана видны еще валы крѣпости, строенной шведами для удержанія позиціи.

Тогда звукъ оружія, пальба артиллеріи, дикіе и иступленные крики воиновъ, стоны умирающихъ и раненыхъ оглушали окрестность... Теперь чрезъ лѣсъ и долины вечерній вѣтерокъ доносилъ до моего слуха очаровательные звуки увертюръ, играемыхъ нашими трубачами въ мѣстечкѣ предъ вечернею зарею. Не вдалекѣ, близъ одного хутора, слышался звонкій смѣхъ, прерываемый звуками малороссійской свирели; мирно жужжалъ жукъ вечерній и кузнечикъ, притаясь въ травѣ, наигрывалъ обычную свою пѣсенку!...

Можетъ быть тогда, на этомъ самомъ мѣстѣ, молодой воинъ, прострѣленный пулею и перепесенный по про ьбѣ его товарищами на этотъ курганъ, смотря такъ-же, какъ я теперь, на заходившее солнце, въ послѣдній разъ любуясь синимъ небомъ, благодарилъ Творца за побѣду и посылалъ предсмертный свой вздохъ юной подругѣ, или мысленно просилъ благословенія матери... Можетъ быть онъ и схороненъ на этомъ курганѣ и я попираю прахъ его... Гдѣ-же я сложу мою голову, подумалъ я?.. Мнѣ стало грустно...

Я всталъ, чтобы идти домой. Западъ еще горѣлъ лучами закатившагося солнца, все было еще на немъ такъ свѣтло и радостно, а съ востока надвигались густыя тучи. Я былъ совершенно одинъ; въ это время мнѣ казалось, что нѣтъ въ мірѣ существа, которое-бы откликнулось на призывъ души моей. Въ тоскѣ я искалъ его глазами, прислушивался, не услышу-ли его голоса?.. Въ природѣ царствовало совершенное безмолвіе. Въ комъ-же искать мнѣ утѣ-

шенія, думалъ я?—Какъ вдругъ, до слуха моего начали доходить звуки вечерней молитвы, играемой трубачами по пробитіи зари, и мелодія ея утѣшительною надеждою пролилась въ мою душу... Я понялъ все... Снялъ фуражку и тихо началъ изливать предъ Творцомъ мольбы свои; но вотъ звуки молитвы становятся тише, тише—и замолкли, какъ послѣдній вздохъ умирающаго праведника.

Въ одиннадцать часовъ, вслѣдствіе того, что я хожу прямо безъ дорогъ, назначая только глазами издали цѣль своего пути, не смотря ни на какія препятствія, оборванный и усталый, возвратился я на мою квартиру... Въ эту прогулку я срисовалъ два вида; одинъ, видъ села Млиновъ, а другой я снялъ съ того кургана, на которомъ провелъ я нѣсколько часовъ съ большимъ наслажденіемъ.

Когда насыпанъ этотъ курганъ? спросилъ я у одного стараго хохла. «Еще до шведа», отвѣчалъ онъ, «кажутъ, что то могила;»—и я совершенно съ нимъ согласенъ.

С. Диканка.

Іюля 5-го и 6-го.

Гдѣ будетъ дневать эскадронъ нашъ? спросилъ я у встрѣчавшаго насъ квартирьера. «Въ Диканкѣ, ваше благородіе, вмѣстѣ съ 3, 7 и 8-мъ эскадронами», отвѣтилъ онъ.

Въ Диканкѣ., повторилъ я въ полъ-голоса. Кто читалъ *Вечера на хуторѣ близъ Диканки, пасичника рудаго Панька* (Гоголя), тотъ не удивится—что извѣстіе, что мы будемъ квартировать въ Диканкѣ, принесло мнѣ удовольствіе; но не всѣ помнятъ и не всѣ знаютъ

у насъ въ Россіи, что Диканька есть наслѣдственное имѣніе фамиліи *Кочубеевъ*.

Тутъ окруженный огромными садами, въ англійскомъ вкусѣ, среди стройныхъ тополей, красавцевъ растительнаго царства, возвышается дворецъ графа, плѣняющій зрѣніе простою, не изысканною красотою своей архитектуры въ новѣйшемъ вкусѣ. Къ двору примыкаетъ огромный паркъ, занимающій пространства по меньшей мѣрѣ квадратныхъ десятинъ шестьдесятъ. Чрезъ средину парка проложена во всю длину его на пролетъ прямая, довольно широкая дорога; но отъ огромности вѣтвистыхъ деревъ, надъ которыми вѣроятно протекли многія столѣтія, тамъ, среди бѣлаго дня, господствуетъ сумракъ. Весь паркъ перерѣзанъ многими извилистыми дорожками, надъ которыми вѣтви деревъ и огромныхъ кустарниковъ сплелись почти непроницаемыми сводами. Въ одной сторонѣ парка построена каменная церковь, въ которой находится чудотворная икона Чудотворца Николая.

Ходя по парку, невольно переносишься мыслію во времена давно минувшія для Малороссіи. Сколькихъ бѣдствій и славы были свидѣтелями эти огромные дубы и вязы, къ которымъ, казалось, ни рука времени, ни сѣкира человѣка, не смѣли прикоснуться въ продолженіи многихъ вѣковъ. Можетъ быть подъ непроницаемою тѣнью вѣтвей ихъ замышлялъ доносъ свой на измѣнника Гетмана страдалецъ преданности къ престолу и Россіи, старый Кочубей!.. Можетъ быть при корнѣ этого дерева любила отдыхать дочь его, юная прекрасная Матруся, затаивъ и лелея въ душѣ своей любовь къ губителю родины и тирану отца ея... Тогда какъ, пламенно любившій её

душою, воинственно чистою, молодой казакъ стоялъ въ отдаленіи и съ тайною грустію смотрѣлъ безмолвно на красоту гибнущаго ангела!

Куда дѣвалась воинственность Малороссіи? Гдѣ тѣ казаки, боровшіеся съ лихами и татарами?... Перелетный вѣтерокъ, шелестя листами, какъ будто нашептываетъ про-нихъ; но кто пойметъ таинственный языкъ этотъ? Самыя преданія народныя истребляются изъ памяти нынѣшнихъ обитателей прелестнаго края и только въ заунывной мелодіи пѣсенъ слышится отголосокъ давно минувшихъ страданій; и въ смѣлой и гордой осанкѣ безпечныхъ парубковъ видны еще потомки свободнаго, непобѣдимаго народа. Самая Диканька, вообще какъ и всѣ селенія и мѣстечки Малороссіи, имѣетъ довольно живописныя окрестности, окружена хуторами и перепутана улицами и переулками до такой степени, что, отлучась разъ изъ своей квартиры, безъ помощи распросовъ, не скоро опять найдешь её. Въ первый вечеръ, возвратясь изъ парка на свою квартиру, которая состояла изъ небольшаго плетенаго балаганчика, окруженнаго рощею, я легъ отдохнуть на травѣ и невольно любовался прелестью малороссійскихъ ночей. Описывать ихъ было-бы безразсудно послѣ поэтическаго описанія *Гоголя* (въ повѣстяхъ: Вечера на хуторѣ и Миргородѣ). Скажу одно, что вѣрнѣй схватить красоты природы и нравы теперешнихъ обитателей едва-ли кто будетъ въ состояніи изъ современныхъ писателей.

Когда я отдыхалъ, изъ-за горизонта начинала выкатываться полная луна. Не знаю отчего, хотя и всегда эта лампада земныхъ ночей привлекала мое зрѣніе, но въ этотъ вечеръ я

смотрѣлъ на неё съ особеннымъ наслажденіемъ. Мнѣ казалось, что на ней взоры мои встрѣтились съ чьими-то очами; мнѣ казалось, что луна была посредницею...

Но какъ ни прекрасна ты, Малороссія, какъ ни обольстительны свѣтлыя ночи твои, но душа моя все невольно стремится къ темнымъ зимнимъ ночамъ, гдѣ и на сугробахъ глубокихъ снѣговъ, и при 30-ти градусныхъ морозахъ, не разъ цвѣли для меня розы блаженства.

Не ты, южный край, думалъ я, образовалъ во мнѣ душу, восхищающуюся тобою; не подъ твоимъ теплымъ небомъ впервые забилось сердце мое для чувствъ возвышенныхъ: мнѣ не за что любить тебя.

Въ паркѣ былъ я три раза. Гулялъ въ саду, смотрѣлъ оранжереи; но въ самомъ дворцѣ быть не удалось. Въ это время находилась тамъ генералъ-губернаторша графиня С***, пріѣзжающая сюда, какъ мнѣ говорили, для воздуха и прогулокъ. Не давно, говорятъ, присланы сюда, изъ Петербурга сто тридцать портретовъ фамиліи Кочубеевъ, что было-бы очень интересно видѣть.

Здѣсь также срисовалъ я два вида: одинъ представляющій видъ дома изъ большой аллеи парка, другой—тотъ-же домъ, съ другой стороны изъ сада.

Хутора близъ Диканки.

Іюля 8 и 9.

Другой день стоитъ ненастная погода. Сегодня я во время похода промокъ до костей: но неутѣшительны и квартиры. Эскадронъ

нашъ расположенъ по хуторамъ, версты на три, вблизи эскадроновъ никакихъ нѣтъ. Мѣстоположеніе нашихъ квартиръ самое унылое. Впереди и позади чистыя поля, вдали только кое гдѣ видѣются лѣсочки, и ко всему этому еще и погода дурная... Небо подернуто сѣрыми тучами, которыя обложились кругомъ, дождикъ не перестаетъ и вѣтеръ, свистя, сквозитъ въ худое окно моей хаты. Скучно!

Отъ скуки велѣлъ ставить самоваръ; и пока онъ будетъ готовъ, поглядимъ въ окошко... авось либо, что нибудь увижу. Передо мною возвышается катушокъ съ притворенною плетеною дверкою, предъ нею стоитъ теленокъ. Унылая его физіономія доказываетъ, что ложь надоѣлъ и ему, и что у него есть большое желаніе проникнуть въ завѣтную обитель, гдѣ мягкая солома готова нѣжить флегматическую его особу.

Но вотъ подошла къ нему—корова. И теленокъ, сначала лягнувъ и сдѣлавъ какое-то удивительное сальтомортали, подбѣжалъ къ ней и хотѣлъ попитаться молочкомъ. Вдругъ раздается голосъ моего человѣка. Рѣчь его обращалась къ хозяйкѣ: *Смотри! смотри!* кричалъ онъ, *теленокъ все молоко высосетъ!* Изъ этихъ словъ я замѣтилъ, что онъ заботился о томъ, чтобы не было недостатка въ молокѣ для моего чая... Бѣдный теленокъ!

Но вотъ катушокъ отворился; корова съ телкомъ скрылись, первое дѣйствіе кончилось.

Вотъ выступаетъ мокрый нѣтухъ; хвостъ его, достойный украсить голову всякаго генерала, намокъ и опущенъ; но онъ самъ сохранилъ еще всю важность своей осанки. Онъ остановился, собирается закричать, вотъ открылъ ротъ... но чтоже? Онъ такъ продрогъ, что на половинѣ своего куку-реку запнулся, а про-

бѣжавшій съ визгомъ поросенокъ, заставилъ его удалиться съ мѣста сцены.

На небѣ какъ будто промелькнулъ въ одномъ мѣстѣ цвѣтъ чистой лазури и потомъ опять затмился...

Какъ сходна участь моя съ вашею, телокъ и пѣтухъ: сколько разъ стремился я напитать душу мою молокомъ возвышенныхъ ощущеній; бывало, былъ близокъ къ своей цѣли, какъ люди безжалостно своими мелочными забавами, ничтожною суетностію отнимали его у меня, чтобы забѣлить имъ *дешевый чай* своихъ обществъ, или хоть немножко приправить имъ вкусъ *сквозника* своего пустословія... Но ты счастливѣе меня, телокъ! тебѣ достаточно было опустить голову и промычать жалобно, чтобы благотворная рука хозяйки отворила тебѣ катушокъ, а мнѣ чтобы достигнуть туда, куда стремятся всѣ мои мечты и желанія, надобно еще выжидать много времени, пока судьбѣ будетъ угодно обратить на меня вниманіе, а задумчивость и грусть моя въ состояніи только возбуждать въ людяхъ насмѣшливую улыбку.

Ты, пѣтухъ, смотря на прояснившееся на одно мгновеніе небо, думалъ воспѣвать ясную погоду... Сколько разъ случалось и мнѣ, на мгновеніе, увлекаясь обольстительными словами красавицъ, думать, что вокругъ меня существуютъ одни только радости, что для меня нѣтъ ничего невозможнаго. Въ восторгѣ я начиналъ воспѣвать свое счастіе..., какъ, вдругъ, обхватывало меня холодомъ равнодушіе милаго предмета и я въ половинѣ поэтическаго восторга замкался, какъ ты на своемъ куку-реку, а проявившійся какой нибудь невѣжда, своимъ хрюканьемъ обращая общее вниманіе, заставлялъ меня удалиться безоглядки.

Какія водяныя мысли!... Не мудрено, на дворѣ шумитъ проливной дождь.

С. Демидовка.

Іюля 10.

Вчера я почти цѣлый день прогулялъ по пустымъ окрестностямъ хуторовъ, не видавъ и не встрѣтя ничего интереснаго. Сегодня эскадронъ нашъ расположился ночевать въ Демидовкѣ, селеньѣ, хотя довольно и большомъ, но скучномъ и разоренномъ до невозможности человѣколюбіемъ помѣщика и грека арендатора. Переходъ былъ 40 верстъ, однако я, не смотря ни на мою усталость, ни на желаніе спать, пообѣдавъ кое какъ на скорую руку, отправился посмотрѣть Рѣшетиловку и, ежели можно, купить кое какія бездѣлицы.

Рѣшетиловка—мѣстечко довольно многолюдное, извѣстное по своимъ неподражаемымъ смушкамъ. имѣетъ нѣсколько хорошихъ церквей, лавки, порядочное строеніе. Но покупать тамъ, кромѣ смушекъ, ежели что понадобится, такъ просто бѣда. Чай отзывается трухою, бубликами когда ѣшь—давишься, бумага протекаетъ; но что за наливка!.. Я рѣдко пивалъ подобную, это нектаръ.

Въ Рѣшетиловкѣ я пилъ чай у одного изъ моихъ товарищей и потомъ вмѣстѣ съ нимъ долго бродилъ по мѣстечку, которое не сдѣлало впрочемъ на мою память никакого впечатлѣнія. Въ 12 часовъ ночи я только возвратился къ моей подушкѣ.

Въ продолженіи обратнаго пути въ Демидовку, я любовался быстротою падающихъ звѣздъ... Нанептывалъ и дѣлалъ имъ кое ка-

кія порученія. Не знаю, исполнили ли они завѣтъ мой!... Сонъ смыкаетъ глаза, я усталъ до невозможности.

Послѣ 38-ми верстнаго перехода, зашелъ я наконецъ на мою квартиру. Взгляну въ окошко: шагахъ въ 20-ти отъ воротъ течетъ Шелъ, чрезъ который нѣсколько правѣе устроенъ перевозъ. За Шеломъ видѣнъ высокій и крутой берегъ, а надъ вершиной его возвышается деревянная, повидимому очень древняя церковь.

Послѣ обѣда, которому приправой была наливка и голодъ, отдохнувъ немного, я пошелъ купаться. Погода была тиха и прекрасна; рѣка съ своими свѣжими прозрачными струями была такъ заманчива, что невольно возбуждала желаніе скорѣе погрузиться въ ея водахъ. Никогда, или очень рѣдко испытывалъ я такое удовольствіе: вышедъ изъ воды, я какъ будто отряхнулъ съ себя двухъ-дневную усталость,—какъ будто получилъ новую жизнь.

Земныя рѣки! много въ васъ цѣлительной силы для тѣла... Но гдѣ текутъ тѣ рѣки, которыя могли-бы смыть съ памяти нагаръ душевныхъ страданій!.. Какія струи въ состояніи освѣжить сердце, изнуренное недовѣрчивостію и сомнѣніемъ, или обмыть съ него копоть тайной тоски, ложащейся на немъ слоями, отъ клеветы и злобы людей,—или извительной улыбки друга?..

Тѣ воды не текутъ здѣсь. Однако я слыхалъ, что они существуютъ, и что рѣдко, но и-то по каплямъ, похожимъ на капли росы весенней, даются они страдальцамъ чрезъ молитву... Видно завѣтнымъ струямъ ихъ предназначено украшать только Эдемскія равнины, или обмывать подножіе Престола Всемогущаго.

Переѣхавъ Шелъ на лодкѣ, заплативъ пере-

возщику 8 копѣекъ, я, не захотѣвъ идти по дорогѣ, которая, споясывая берегъ, поднимается въ гору, постепенно началъ карабкаться прямо. Взобравшись на верхъ и осмотрѣвъ положеніе мѣста, увидѣлъ я, что это былъ полуостровъ, образовавшійся излучиною Псела. Онъ имѣетъ овальную форму: версты полторы или нѣсколько болѣе длиной, и менѣе полуверсты шириною, съ крутыми, утесистыми берегами, въ ущельяхъ которыхъ ростутъ небольшія рощицы тополей и другихъ деревьевъ.

На сѣверо-восточной сторонѣ его, противъ самаго изгиба рѣки, видны остатки древнихъ земляныхъ укрѣпленій. Въ срединѣ ихъ возвышается старая деревянная церковь, (объ которой я уже говорилъ), съ готическою фигурою, съ рѣзными столбиками и колонцами, колокольнею, которая отъ ветхости приходитъ въ разрушеніе. Шагахъ въ 20 ти начинается мѣстечко, состоящее изъ немногихъ дворовъ—съ бѣдными огородами: вѣроятно возвышенность открытаго мѣста препятствуетъ растительности деревъ. Далѣе за мѣстечко идетъ большой лугъ, или выгонъ, на немъ разбросано нѣсколько мельницъ и виднѣются слѣды множества, почти уже изгладившихся, могилъ, свидѣтельствовавшихъ о многолюдствѣ бывшаго здѣсь когда-то города.

Вообще наружность самаго мѣстечка печальна, но за то виды окрестности со всѣхъ сторонъ прекрасны.

Кругомъ извивается зеркальною лентою Пселъ, въ изгибъ его впадаетъ рѣчка Голтва. По подолу кругомъ всего полуострова и за рѣкою разбросаны селенья и виднѣются церкви, тонущія въ тѣнистыхъ садахъ и рощахъ. Все это вообще вмѣстѣ съ мѣстечкомъ называется однимъ именемъ Голтвою. Далѣе разстилаются поля и

степи, покрытыя курганами и остатками воинственной старины, земляными городками. Наконецъ, зрѣніе, окидывая пространство верстъ на шестьдесятъ, теряется въ отдаленіи, гдѣ предметы, уже синѣя, сливаются съ горизонтомъ. Такъ земная вещественная жизнь человѣка гармонируетъ жизни небесной, духовной.

Посѣтивъ товарищей въ ближнемъ эскадронѣ и побродя еще нѣсколько времени по прибрежнымъ скаламъ, часу въ одиннадцатомъ вечера спустился я къ перевозу. Въ это время отчаливалъ пустой паромъ и я впрыгнулъ на него.

Ночь была тиха и спокойна, какъ сонъ младенца.—Облокотясь на перила, задумчиво я смотрѣлъ на воду, въ которой отражалось звѣздное небо... Тутъ вспомнилъ я, что Пселъ протекаетъ не далеко отъ Курска. Въ рукахъ у меня былъ цвѣтокъ, сорванный въ ущельи крутаго берега, я бросилъ его въ воду и... его помчало по теченію въ Днѣпръ!..

Паромъ причалилъ; я на своей квартирѣ.—

С. Орлова Балка.

Вчера сдѣлали мы первый переходъ, отъ Кременчуга къ Елисаветграду: жара, безлюдныя поля и степи, покрытыя бурьяномъ, недостатокъ воды, унылыя окрестности рѣдкихъ и бѣдныхъ деревень,—вотъ все, что могу сказать въ началѣ о Херсонской губерніи.

Сегодня у насъ дневка.

Десять дней отдыхалъ полкъ въ Кременчугѣ. Эскадронъ нашъ былъ расположенъ въ 9-ти верстахъ отъ города, въ селѣ Власовкѣ, разбросанномъ на песчаной и болотистой равнинѣ. Саженяхъ во ста отъ моей квартиры протекалъ широкій Днѣпръ, который въ это время года,

по малому судоходству, имѣлъ такой-же пустынный видъ, какъ и его окрестности. Безмолвіе рѣки нарушалось только грустнымъ рокотомъ волнъ, бьющихся о песчаный берегъ, шумомъ колесъ плавучихъ мельницъ, или крикомъ прибрежной чайки...

Но при всемъ этомъ, въ краткое пребываніе мое въ Власовкѣ, я любилъ посѣщать Днѣпръ и послѣ захожденія солнца, когда земля начинала освѣжаться отъ зноя дневнаго прохладною росою вечера, бродить по песчанымъ берегамъ его... Переносясь мечтами во времена глубокой древности, я съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на жемчужныя волны Днѣпра, тихо катившіяся у ногъ моихъ.

Мнѣ сладко было воображеніемъ осуществлять всѣ сказки, всѣ преданія о водахъ его. Мнѣ хотѣлось вѣрить, что на днѣ его существуютъ хрустальные чертоги русалокъ, выходящихъ на поверхность воды играть и плескаться, при серебряныхъ лучахъ мѣсяца... Мнѣ хотѣлось видѣть этихъ прелестныхъ нимфъ славянскаго язычества, съ ихъ неподвижными глазами и блѣдными челами, увѣнчанными осокою, и въ тайнѣ досадовалъ, что просвѣщеніе и здравый разсудокъ попрали и насмѣялись надъ суевѣріемъ древности.

Сколько разъ прибрежье Днѣпра оглашалось пѣснями воиновъ князей Кіевскихъ, когда они на легкихъ судахъ неслись грозою на изнѣженныхъ грековъ?.. Сколько разъ воды его бременились тягостію Царьградскихъ драгоцѣнностей и, наконецъ, сдѣлались купелью нашего христіанства.

Изъ десяти дней, которые мы простояли въ Власовкѣ, пять дней я провелъ въ Кременчугѣ, отчасти изъ желанія покороче узнать го-

родъ, но болѣе по дѣламъ. Городъ великъ, порядочно обстроенъ, но не можетъ похвалиться опрятностію. Онъ имѣетъ двѣ церкви и двѣ или три старообрядческихъ часовни; много трактировъ, есть магазины и большой гостинный дворъ. Торговля и промышленность Кременчуга довольно велики, но какъ то, такъ и другое находится въ рукахъ у евреевъ, которыхъ въ Кременчугѣ премножество.

Тамъ есть и публичный садъ въ англійскомъ вкусѣ, который, какъ я слышалъ, насаженъ по волѣ Потемкина, предъ путешествіемъ Императрицы Екатерины. Садъ я посѣщалъ два раза. Онъ не великъ, но пріятенъ: большія дерева могутъ дать въ избыткѣ тѣнь и прохладу въ самый жаркій полдень; цвѣтники веселятъ зрѣніе любителя цвѣтовъ. Чего-же болѣе нужно?

Городъ лежитъ тоже на песчаной равнинѣ, по берегу Днѣпра. На противуположномъ Херсонскомъ берегу противъ него видѣнъ небольшой, но тоже красивый городокъ, Крюковъ, около котораго возвышаются мачты стоящихъ въ пристани судовъ. Оба эти города соединены плавучимъ или живымъ мостомъ изъ плотовъ, который для прохожденія барокъ раздвигается два раза въ недѣлю. Ширина рѣки, судя по длинѣ моста въ этомъ мѣстѣ, ровно верста.

Наканунѣ выступленія въ походъ, всѣ эскадроны изъ окрестныхъ селеній собрались въ Кременчугъ. По приходѣ въ городъ я узналъ, что въ этотъ вечеръ назначено благородное собраніе. Мнѣ не хотѣлось быть въ собраніи, но увлекаемый другими, я рѣшился.

Часу въ 12-мъ вечера, когда я уже хотѣлъ начинать одѣваться, праздность понудила меня выдти на улицу. Вдругъ до слуха моего донеслись звуки страннаго, никогда мною не слыхан-

наго, напѣва. Я сей-часъ догадался, что это поетъ какой-нибудь татаринъ, которыхъ полкъ шелъ въ это время чрезъ Кременчугъ съ Кавказа въ Варшаву.

Любопытство влекло меня посмотрѣть на пѣвца. Ночь была темна и потому я, не заботясь о томъ, что былъ безъ сюртука, пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ слышался голосъ. Подошедъ къ одному домику, котораго окошки были отперты, я увидѣлъ, что у одного изъ нихъ сидѣлъ татарскій офицеръ въ своемъ національномъ нарядѣ и въ обыкновенной ихъ шапкѣ изъ черныхъ смушекъ. Лицо его было благородно и прекрасно. Онъ, по видимому, имѣлъ не болѣе лѣтъ 22-хъ, высокій лобъ, томные, но полные огня, глаза, черные усы на смугломъ выразительномъ лицѣ, на которомъ задумчивость и меланхолія рисовалась съ такою поэзіею, что, взглянувъ на него, нельзя было не принять въ немъ участія.

Въ срединѣ комнаты стоялъ молодой татаринъ, держась одною рукою за кинжалъ, а другою за поясъ, пѣлъ на языкѣ своемъ пѣсни, которыхъ я не понималъ, но, по мелодіи ихъ и по выраженію физіономіи пѣвца, могъ догадываться о ихъ содержаніи.

Напѣвъ былъ дикъ и страненъ. То слышались въ немъ вопли умирающаго, то какъ будто раздавались оклики ночной стражи, вторимые эхомъ горъ. То вдругъ голосъ его принималъ выраженіе молитвы, или страданія любви, ревности и разлуки.

Онъ пѣлъ небольшими куплетами; послѣ каждаго куплета останавливался, задумывался и опять начиналъ пѣть. Но на офицера въ это время нельзя было смотрѣть безъ особеннаго чувства. Онъ сидѣлъ на двухъ стульяхъ въ

полулежачемъ положеніи, заложивъ ногу за ногу, безпрестанно измѣняя положеніе тѣла и, хотя каждое измѣненіе, каждое положеніе было въ немъ благородство, но по всему было замѣтно, что ему на стульяхъ было безпокойно, привыкнувъ къ диванамъ родины. Въ рукахъ его былъ пистолетный прибойникъ и, когда содержаніе куплета или голосъ пѣвца трогалъ его душу, онъ замѣтно приходилъ въ волненіе, лицо его дѣлалось грустнѣе, пасмурнѣе и онъ, отъ избытка чувствъ, судорожно стукалъ прибойникомъ по столу...

Но что заставляетъ грустить его?.. Покинутая ли родина? но онъ туда возвратится. Жажда ли битвъ и славы? но онъ доживетъ до нихъ. Безнадежная или отвергнутая любовь?.. Но это меланхолическая тихая грусть, это благородное и гордое лице, душа, которая видна въ глазахъ и каждомъ его движеніи, все говоритъ, что онъ не могъ любить безъ взаимности. Не разлука-ли съ милымъ предметомъ заставляетъ грустить тебя? Можетъ быть ты вспомнилъ слезы и страданія прекрасной твоей подруги, когда она говорила тебѣ послѣднее прости... Можетъ быть ты вспомнилъ часы блаженства, проведенные тобою въ ея объятьяхъ или жгучіе ея поцѣлуи!..

Не оскорбилъ-ли ты ее безразсудною ревностію и раскаяніе терзаетъ тебя? Не пришли-ли тебѣ на память минуты, когда, стоя на колѣняхъ, обнималъ станъ существа, тобою любимаго, просилъ прощенія и слезы оскорбленой тобою, падая на лице твое, мѣшались съ твоими слезами, тогда какъ нѣжныя руки прижимали твою голову къ пламенной и полной любовью груди?

Можетъ еще быть и теперь сомнѣніе...

Предъ окнами на улицѣ, гдѣ я стоялъ, собралась небольшая толпа, приведенная, такъ же

какъ и я, любопытствомъ. Почти всѣ смѣялись надъ движеніемъ и голосомъ пѣвца. Но я былъ разстроенъ: этотъ офицеръ, какъ будто обворожилъ меня. Мнѣ хотѣлось подать ему руку и сказать: «я тебя понялъ,» но приличіе меня удержало. Не знаю, чувствовалъ-ли онъ, что есть близъ него душа, которая принимаетъ въ немъ участіе, но онъ часто оборачивалъ голову, гдѣ стоялъ я, и пристально глядѣлъ въ ту сторону. Ночь была темна. Онъ не могъ меня видѣть и это меня радовало... Можетъ быть душа его говорила ему обо мнѣ.

Долго не хотѣлось мнѣ отойти отъ окошка, но, вспомнивъ, что уже было половина 12-го, я пошелъ домой, одѣлся и отправился въ собраніе.

Зала Кременчугскаго собранія длинна, выбѣлена мѣломъ и съ досчатымъ, не совсѣмъ ровнымъ поломъ. Взошедъ въ залу, я увидѣлъ, что тутъ было нѣсколько старухъ, около двадцати дѣвицъ и почти столько же офицеровъ, нѣсколько фраковъ и человѣкъ десять или двѣнадцать татарскихъ офицеровъ.

Сказать о собраніи нечего, оно какъ и во всѣхъ уѣздныхъ городкахъ все на одинъ манеръ. Есть и смѣшныя и интересныя; тутъ видѣлъ я и недурныя личики и безобразныя ножки, слышалъ и бальныя пошлости, и привѣтливый голосокъ, и неуклюжій смѣхъ, и звонкую рѣчь, но скучалъ... и, протанцовавъ, для приличія, двѣ кадрили, не дождавшись мазурки, возвратился домой съ усталымъ воображеніемъ и утомленными усталостію и скукою глазами.

10 августа.

Лагерь при г. Вознесенскѣ.

Тихо катилось солнце по безоблачному Хер-

сонскому небу, постепенно опускаясь на западъ все ниже и ниже. Лучи его, обливая бѣлыя палатки лагеря багровымъ цвѣтомъ, играли на полированныхъ стволахъ ружей и пикахъ, сложенныхъ въ пирамиды. Квартирьерскіе значки и флюгера, лелѣемые слабымъ вечернимъ вѣтеркомъ, едва колебались на своихъ древкахъ... и шумъ, и говоръ, и ржаніе лошадей, и музыка предъ зарею, все сливалось въ одинъ, какой-то нестройный гулъ.

Съ полъ-часа, какъ возвратились съ ученья, уже кипѣли самовары въ офицерскихъ палаткахъ; предъ нѣкоторыми сидѣли офицеры кучками, и одинако на киверныхъ ящикахъ, на погребцахъ, или просто на землѣ, пуская съ наслажденіемъ дымокъ изъ своихъ трубокъ и запивая его чаемъ. Иные были веселы, безпечны; шумъ и смѣхъ прерывалъ разговоръ ихъ, другіе были задумчивы... У всякаго свое на умѣ и на сердцѣ.

Прохладный вечеръ смѣнилъ знойный день; заблистали на небѣ серебряныя звѣзды, огни освѣтили палатки и они, какъ фантастическія жилища духовъ, забѣлѣлись въ вечернемъ сумракѣ. За заднею линіею и въ обозахъ сверкали разложенные огни, на которыхъ варился скромный ужинъ. Около нихъ по временамъ, скрытые дымомъ, въ безпорядкѣ, толпились, какъ привидѣнья, деньщики—солдаты и кучера, и росказни, и споръ между ними, а въ воздухѣ, надъ этимъ таборомъ, слоился дымъ, освѣщаемый заревомъ.

Девять часовъ... Раздался выстрѣлъ заревой пушки; гулъ ея, ударившись въ высокій противуположный берегъ Буга, отпрянулъ, покатился по безпредѣльнымъ равнинамъ и умолкъ въ пространствѣ.

Заблистали ракеты, пускаемыя въ артилерійскихъ ротахъ, оставляя въ воздухѣ за собою струю огня, они лопались и, разсыпаясь алмазными искрами, какъ будто говорили о ничтожности всего земнаго и въ особенности того, что называемъ мы счастіемъ.

Не такъ-же-ли быстро, какъ и ракета, душа пылкая, забывъ на мигъ земную темницу свою и сбросивъ съ себя оковы общественныхъ предразсудковъ, ея гнетущихъ, стремится въ идеальный міръ наслажденія. Отвергая въ гордости мишурное блаженство себѣ подобныхъ, унесясь мечтами въ седьмое небо, видитъ все величіе свое, гордится имъ; но, тѣсно сопряженная съ тѣломъ, не переноситъ его и, озаривъ въ послѣдній разъ міръ лучезарнымъ свѣтомъ мысли и воли, вмѣсто радостей, испытавъ одни страданія, падаетъ, сдѣлавшись жертвою гибельныхъ страстей—и не воскреснуть ей болѣе.

Не такъ-же-ли и юноша стремится къ любви и думаетъ о ней? Не такъ-же-ли чистолюбецъ ищетъ почестей? Не такъ-же-ли герой гоняется за славою? Но многихъ-ли юношей, чистолюбцевъ и героевъ счастіе не бываетъ въ послѣдствіи похоже на ракету.

Но кто-же не платитъ дани земному? И простительно-ли было бы для человѣка не искать на землѣ счастія, ежели и самъ Всемогущій еще при созданіи насъ заронилъ въ насъ мысль о немъ? И когда мы уже истратили лѣта жизни нашей, не лучше ли предъ смертію сказать себѣ: я жилъ, я имѣлъ минуты счастія, (жизнь и счастіе одно и тоже), нежели умереть, не жившіи. Но люди! не основывайте счастія вашего на ущербѣ счастія другаго, неидите также и противъ природы, а, иначе, слад-

кая чаша, которую вы пьете на мирномъ одрѣ. наполнится для васъ мучительную горечью!

Въ полкахъ раздались звуки трубъ и барабановъ, воздухъ огласился вечернею молитвой; еще перекаты барабана—и ночь пала на землю.

Двѣнадцать часовъ. Огни въ лагерѣ и въ обозахъ потухли, все спитъ. Безмолвіе изрѣдка нарушается окликомъ часовыхъ, фырканьемъ лошадей, дружно жующихъ сѣно, или сонным ропотомъ спящихъ. Теперь я сижу на своей кровати и, положивъ на подушку бумагу, пишу; предо мною горитъ свѣча. Чрезъ откинутыя полы моей палатки видѣнъ мѣсяцъ. Однообразныя квадратныя шатры, при блѣдномъ его мерцаніи, получили видъ еще болѣе таинственный, походя на обелиски древнихъ египтянъ...

Съ самой деревни Орловой Балки, гдѣ мы дневали дня два, я не принимался за перо. Огромные переходы, жара и неудобность квартиръ отнимали время ужаснымъ образомъ.

Двадцать шестаго іюля выступили мы изъ Кременчуга церемоніальнымъ маршемъ и съ музыкой, проходя мостъ чрезъ Днѣпръ, я любовался его движеніемъ, когда онъ гнулся и обливался водою подъ тяжестью, идущихъ по немъ, эскадроновъ. Прошедъ черезъ городъ Крюковъ, въ которомъ я замѣтилъ только довольно красивое строеніе Камисарьятской Коммиссіи, мы поднялись на высоты, раскинутыя по всему протяженію Днѣпра со стороны Херсонской губерніи.

Послѣ цвѣтущей, лѣсной и населенной Малороссіи, необъятныя утомительныя степи Херсонскія, въ которыхъ взоръ напрасно ищетъ остановиться на какомъ нибудь хуторкѣ, деревенькѣ, деревцѣ или рѣкѣ, заставляютъ погру-

зиться въ раздумьи, а изъ груди вылетаетъ вздохъ.

Не спорю, что для коренныхъ обитателей этого края, можетъ быть, и можетъ нравиться безпредѣльность степей, и почти всегда знойное, чистое небо и проч... Но для человѣка, удаленнаго отъ мѣстъ имъ любимыхъ, и у котораго всѣ воспоминанія о былыхъ наслажденіяхъ тѣсно соединены въ памяти съ неодушевленными предметами, видами частыхъ селъ, господскихъ домовъ, лѣсовъ, водъ, и зашедъ въ край, гдѣ эти предметы слишкомъ рѣдки, или вовсе исчезаютъ, дѣлается еще грустнѣй, потому что и самое воображеніе у него, при видѣ унылой природы, получаетъ какое-то оцѣпенѣніе.

Въ окрестностяхъ Елисаветграда видъ нѣсколько оживленъ лѣсами и, недоходя до города верстъ 30-ть, начинается и продолжается въ право, такъ называемый черный лѣсъ, который, какъ мнѣ говорили жители, идетъ верстъ на триста, но, пройдя Елисаветградъ и до самаго Вознесенска, природа почти совершенно мертва.

Елисаветградъ мнѣ понравился и, хотя тамъ есть довольно церквей, но вообще онъ съ перваго взгляда не походитъ на европейскій городъ. Узкія улицы, густое строеніе, въ садахъ фруктовыя деревья, по заборамъ вездѣ тополь; все это даетъ ему какой то азіятскій колоритъ.

Теперь третій день, какъ кончился нашъ походъ. Весь корпусъ нашъ и всѣ войска, состоявшія изъ четырехъ корпусовъ кавалеріи, съ ихъ артиллеріею и 26 батальоновъ пѣхоты, расположены лагеремъ, на право и налѣво отъ Вознесенска, на пространствѣ двадцати четырехъ верстъ вдоль по рѣкамъ Мертвоводѣ и Бугу, на луговой его сторонѣ.

22 августа.

Съ самого вступленія нашего въ лагерь, жизнь наша текла однообразно. Каждый день служба, каждый день усталость, жаръ, пыль, холодная ночь и крѣпкій сонъ были началомъ и концемъ ежедневнаго существованія. Наконецъ, 18-го числа по утру доходитъ до слуха нашего вѣсть, что ночью пріѣхалъ Государь и что тотъ же день будетъ смотрѣть церемоніальный маршъ всей здѣсь собранной кавалеріи въ полной парадной фармѣ.

Все пришло въ движеніе: начали сѣдлать лошадей, одѣваться, и вотъ мы на плацу.

Дѣйствительно, видъ такого огромнаго сбора кавалеріи, безчисленное множество копій, разноцвѣтные флюгера, блестящія латы кирасиръ, богатый пестрый нарядъ гусаръ, былъ восхитителенъ для глазъ. Всѣ войска были выстроены въ четыре линіи въ полковыхъ колонахъ. Пятую линію составляла артиллерія.

Наконецъ музыка и громкое ура на правомъ флангѣ извѣстили насъ о прибытіи Императора!.. И вотъ, наконецъ, показался и онъ, сопровождаемый огромною свитою и множествомъ иностранцевъ въ разныхъ болѣе или менѣе странныхъ и пестрыхъ мундирахъ. Лицо Государя было весело. Объѣхавъ всѣ линіи и поздоровавшись со всѣми полками, которые встрѣчали и провожали его съ громкимъ ура, онъ поѣхалъ впередъ.

Прежде начала церемоніальнаго марша, Государю угодно было служить молебенъ. Штандарты со всѣхъ полковъ поѣхали къ мѣсту служенія. Скомандовали на молитву, всѣ войска сняли киверa и каски и служеніе началось. Въ продолженіи всего молебна никто

ни слѣзалъ съ лошадей, кромѣ самаго Государя, который молился, стоя, на колѣняхъ. Высокій образецъ покорности и смиренія!..

Тотъ, которому нѣтъ на землѣ равнаго, тотъ, отъ котораго зависятъ судьбы милліоновъ людей, предъ лицемъ громады своихъ воиновъ, готовыхъ по единому его мановенію, по движенію бровей, смять, уничтожить и положить къ стопамъ его цѣлыя царства и народы, отвергая величіе, земной сомодержецъ приклоняетъ колѣна предъ величіемъ небеснаго Вседержителя.

Но вотъ молебенъ кончился. Кивера надѣты и войска по дивизіонно пошли мимо Государя. Смотръ былъ на трехъ аллюрахъ: собранной рысью, въ галопъ и, наконецъ, полной рысью колонами.

Прошедъ колонами, всѣ войска пошли по лагерямъ, кромѣ нашего драгунскаго корпуса, который Государю угодно было видѣть спѣшеннымъ. Сначала скомандовали укоротить поводья *съ мѣста маршъ*, *маршъ*, и, когда колоны шли во весь карьеръ, скомандовали *слѣзай!* Въ одно мгновеніе спѣшились драгуны, штыки примкнуты къ ружьямъ и стройныя колоны пѣхоты пошли съ музыкой и барабаннымъ боемъ мимо Государя.

Этимъ кончился первый смотръ. Драгунами Государь былъ особенно доволенъ.

Девятнадцатаго числа ожидали мы пріѣзда Государя въ лагерь, однако онъ не былъ.

Двадцатаго числа были большіе маневры, всей кавалеріи. Надобно было видѣть, съ какою быстротою и искусствомъ Государь двигалъ эти огромныя массы, которымъ едва-ли когда нибудь сбирались подобныя въ одномъ мѣстѣ.

Нашъ корпусъ былъ въ резервѣ, но, когда

дѣло дошло до насъ, весь корпусъ, вытянувшись въ одну линію, въ густыхъ колонахъ, пошелъ впередъ рысью, имѣя впереди себя артиллерію. Потомъ скомандовали «маршъ! маршъ»! Пошли въ карьеръ, «слѣзай»! и вотъ, спѣшились, пошли впередъ колонами; пропустивъ въ интервалы артиллерію, которая была впереди, развернули фронтъ и батальный огонь закипѣлъ.

Это было подъ самымъ Вознесенскомъ. Дѣйствіями драгунъ кончились маневры. Когда драгуны сѣли на лошадей, Государь подъѣзжалъ къ нашимъ полкамъ и благодарилъ, называя молодцами. «Ради стараться, В. И. В.», было громкимъ отвѣтомъ драгунъ. «Что, устали ребята?», милостиво спросилъ Государь. «Никакъ нѣтъ, В. И. В.», отвѣчали солдаты. «Ну чтожъ дѣлать, ласково возразилъ Государь, хоть и устали; я васъ такъ рѣдко вижу». Ни когда ни случалось мнѣ видѣть Государя такимъ веселымъ.

Когда полкамъ надо было возвращаться въ лагерь, я остался въ городѣ для полученія съ почты писемъ. Городъ Вознесенскъ, какъ говорятъ, до сихъ поръ состоялъ изъ бѣдныхъ мазанокъ. Теперь къ смотру выстроили цѣлыя улицы одинакихъ, небольшихъ, выштукатуренныхъ домиковъ довольно миловидной наружности, соединенныхъ между собою также выштукатуренными оградами. Всѣ эти домики воздвигнуты изъ земли, но въ постройкѣ совершенно получили видъ каменнаго строенія. Всѣ они хорошо меблированы и снаружи выкрашены розовою, желтою, зеленою и бѣлою краскою, что даетъ Вознесенску видъ краснаго городка.

Среди города возвышается дворецъ Государ-

ря: двуэтажное, не огромное, но красивое зданіе. Къ нему съ одной стороны примыкаетъ садъ, украшенный деревьями южныхъ краевъ. Предъ фасадомъ дворца разстилается большая площадь, обсаженная кругомъ тополями.

На другой площади выстроенъ театръ, съ опрятною архитектурою, кажется изъ того-же матерьяла, какъ и всѣ зданія Вознесенска. Проходя мимо его, я взошелъ внутрь. Въ это время на сценѣ шла репетиція какого-то французскаго водевиля. Посмотрѣвъ и послушавъ куплетовъ, я вышелъ. Театръ внутри отдѣланъ, по возможности, не дурно и со вкусомъ.

Получивъ съ почты все, что было мнѣ нужно, взявъ извощика, возвратился въ лагерь.

Двадцать перваго числа Государь изволилъ дѣлать смотръ одному нашему корпусу; была стрѣльба въ мишени. Полки сѣшивались два раза и Государь остался доволенъ. По окончаніи ученья, подзывалъ къ себѣ всѣхъ дивизіонныхъ и эскадронныхъ командировъ, благодарилъ ихъ и, наконецъ, сказалъ, что «предъ вами (драгунами) не только непріятель, и самъ чертъ не устоитъ». Къ несчастію, мнѣ самому не удалось слышать словъ Государя.

Сегодня день коронаціи. У насъ былъ разводъ. Послѣ развода, всѣ офицеры, кромѣ должностныхъ, къ которымъ принадлежу и я, поѣхали на разводъ въ пѣхотный лагерь, гдѣ будетъ присутствовать Государь

Теперь я сижу спокойно въ моей палаткѣ и пишу. На небѣ бродятъ сѣрыя тучки, вдали гремитъ громъ, драгуны чистятъ оружіе...

26 августа.

Наскучивъ читать путешествіе Дюмонъ-Дюр-

вилъ, единственную книгу, которую удалось мнѣ достать въ лагерѣ, я сѣлъ писать мой журналъ; вѣдь надобно-же продолжать его.

Сухи, безцвѣтны впечатлѣнія лагерн, посреди степей и однообразной службы, но бывали и минуты какого то патріотическаго удовольствія!

Вечеромъ двадцать втораго числа, часу въ 10-мъ или позднѣе, я услышалъ шумъ и слово *тревога*, произнесенное близь моей палатки. Бросивъ книгу, которую въ это время читалъ, я началъ одѣваться въ форму, бѣгу на линейку, нахожу тамъ уже многихъ офицеровъ совсѣмъ готовыхъ... Но эта тревога была фальшивая и, кажется, произошла отъ ошибки.

Но на другой день, то е. 23 числа, по утру въ 9 часовъ, была тревога дѣйствительная.

Нѣсколькихъ минутъ было достаточно быть полку совершенно готову, и вотъ вся наша дивизія, соединясь на походѣ, пошла на рысяхъ по направленію, гдѣ было слышно дѣйствіе артиллеріи.

Верстъ 16 или 17 шли мы по степи, но вотъ оврагъ, за оврагомъ замѣтно движеніе колонъ... Маршъ! маршъ! и вотъ наши колоны спустились въ оврагъ и съ крикомъ, «ура» взлетѣли на противоположную сторону.—

Тутъ увидѣли мы Императора, окруженнаго свитою, который, поздоровавшись съ драгунами, изволилъ самъ командовать, «приготовиться къ пѣшему строю».

Снова маршъ—маршъ! и слѣзай!

Дѣйствіями спѣшенныхъ драгунъ кончилось ученье; часу во второмъ мы возвратились къ своимъ палаткамъ.

24 числа съ полудня ожидали мы проѣзда мимо лагеря Императрицы, долженствовавшей

въ этотъ день прибыть въ Вознесенскъ. Но она мимо лагеря ѣхать не изволила.

25-го былъ церемоніальный маршъ.

Въ этотъ день, въ первый разъ, имѣли мы счастіе видѣть Императрицу, Великую Княжну Марію Николаевну и Великую Княгиню Елену Павловну, ѣздившихъ по всѣмъ линіямъ полковъ.

Церемоніальный маршъ былъ удаченъ, да и самая погода благопріятствовала, не было слишкомъ жарко. Драгунскіе полки, Московской и Тверской, наименованы 1-й) полкомъ Его Высочества Наслѣдника, а 2-й) Его Высочества В. К. Михаила Павловича. Кирасирскій Екатеринославскій наименованъ полкомъ Ея Высочества В. Княжны Маріи Николаевны. Австрійскій Эрцъ-Герцогъ Іоаннъ наименованъ шефомъ Гренадерскаго сапернаго батальона.

Двадцать седьмое число было тоже предоставлено отдыху; но этотъ день, особенно для меня, памятенъ тѣмъ, что я имѣлъ счастіе въ первый разъ вблизи видѣть Великую Княжну Марію Николаевну. Часу въ седьмомъ пополудни крикъ дежурнаго унтеръ-офицера вызвалъ меня на линейку; гляжу на право... Вдоль по линіи неслась коляска, запряженная четверкою въ рядъ. Бѣлый султанъ игралъ въ воздухѣ, по движенію на линейкѣ вдоль всего лагеря, не трудно было догадаться, что это былъ Императоръ. Но онъ былъ не одинъ. Съ нимъ сидѣла юная Княжна и ея очаровательные черты, ея исполненный кротости небесный взоръ были усладительны для насъ, загорѣлыхъ обитателей лагеря. Привыкнувъ видѣть одни только старыя, или строгія лица начальниковъ, и вдругъ появленіе Великой Княжны, какъ ангела, хоть быстро промелькнувшаго, но

оставившаго благодатное впечатлѣніе неба, было дѣйствительно отрадою, праздникомъ души въ Вознесенскомъ лагерѣ.

Лице Императора было спокойно; счастіе, гордость и любовь отца выражались на немъ, когда, здороваясь привѣтливо съ вышедшими на линейку, обращалъ взоры свои къ дочери.

Въ этотъ день, по утру, проѣзжалъ также мимо лагеря Его Высочество Наслѣдникъ. Въ первый разъ мы видѣли его въ драгунскомъ мундирѣ полка его имени.

28 числа было линейное ученье; а въ вечеру ожидали посѣщенія лагеря Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ.

Вечеръ былъ прелестный; музыка играла во всѣхъ полкахъ, и уже высоко взошелъ мѣсяцъ, осыпая лагерь полевыми лучами и осребряя вечернія туманы надъ Бугомъ, когда я возвратился въ мою палатку.

29-го числа былъ отдыхъ. Но въ этотъ день назначенъ былъ штурмъ городка, построеннаго въ 3-хъ верстахъ отъ Вознесенска на обширной равнинѣ.

Городокъ этотъ при всей безотчетности архитектуры своихъ зданій имѣлъ видъ турецкой крѣпости. Обнесенный валомъ, онъ будто по мановенію волшебнаго жезла возникъ среди степей и невольно каждый разъ, когда мы проходили въ виду его со смотра или съ ученья, заставлялъ собою любоваться. Обманъ былъ совершененъ.

Часовъ въ 6 съ половиною я, велѣвъ себѣ осѣдлать лошадь, поѣхалъ верхомъ въ ту сторону, гдѣ слышались выстрѣлы артиллеріи. Отъ нашего лагеря городокъ при всей высотѣ своихъ фантастическихъ зданій и башенъ видѣнъ не былъ, будучи заслоненъ отлогою воз-

вышенностію. Задумавшись о чемъ то, я ѣхалъ безъ дороги, не обращая ни какого вниманія на окружающіе меня предметы... Пальба все сильнѣе и громче доходила до моего слуха, я видѣлъ какъ съ батарей подымался дымъ и въ ушахъ моихъ раздавался визгъ. Этотъ визгъ былъ мнѣ не знакомъ и потому заставилъ меня одуматься: гляжу на право, въ три четверти версты отъ того мѣста, гдѣ я ѣхалъ, видиѣлась цѣпь уланъ, которая была поставлена для предосторожности. чтобъ кто по незнанію не подвергнулъ себя опасности подъ выстрѣлами.

Не понимаю, какимъ образомъ я не замѣтилъ её сначала и, поѣхавъ прямо отъ нашего лагеря на звукъ выстрѣловъ, подъѣхалъ къ городку сзади, такъ что тѣ выстрѣлы, которые не попадали въ настоящую цѣль, а летѣли выше валовъ городка, пролетали мимо ушей моихъ или прыгали около меня. Замѣтивъ свою неосторожность, я далъ лошади шпоры и понесся къ видимой мною на право цѣпи; чувство самосохраненія, кажется очень извинительное въ этомъ случаѣ.

Подъѣхавъ къ батареямъ, я увидѣлъ прелестную картину. Погода благопріятствовала; въ воздухѣ было тихо; небо покрывалось облаками и легкой сумракъ ложился на всѣ предметы. Частые выстрѣлы, расположенной полукругомъ, всей находящейся при корпусахъ артиллеріи безпрестанными взрывами доказывали мѣткость и искусство нашихъ артиллеристовъ. Соколомъ яснымъ, окруженный многочисленною свитою, носился Императоръ отъ батареи къ батареѣ, но вотъ клубомъ поднялся черный дымъ и 10,000 ракетъ съ оглушительнымъ трескомъ поднялись на воздухъ, зданія

городка запрыгали и зарево багровымъ покровомъ повисло на небѣ.

Этимъ кончилось дѣйствіе артиллеріи. Царская фамилія, присутствовавшая при этомъ зрѣлищѣ въ особомъ шатрѣ, изволила возвратиться въ Вознесенскъ по дорогѣ, густо уставленной плошками.

И я шашкомъ поплелся къ моей палаткѣ.

30-го августа, въ 10 часовъ утра, въ день тезоименитства Наслѣдника-Цесаревича и рожденія Великой Княжны Ольги Николаевны былъ церковный парадъ въ лагерѣ, въ присутствіи всей царской фамиліи. Всѣ войска, находящіяся въ сборѣ при гор. Вознесенскѣ, были построены въ полковыхъ колонахъ, съ трехъ сторонъ походной церкви, гдѣ совершалась литургія и молебствіе.

Въ вечеру, въ городѣ Вознесенскѣ въ домѣ, занимаемомъ инспекторомъ всей поселенной кавалеріи графомъ Витомъ, данъ былъ балъ.

Еще по утру было роздано въ полкахъ по нѣсколько билетовъ офицерамъ. Мнѣ тоже удалось достать билетъ, и вотъ, часовъ въ 7 вечера, я съ однимъ изъ моихъ товарищей отправился въ коляскѣ въ Вознесенскъ. Ночь была свѣтлая, тысячи огней блистали въ лагеряхъ, мимо которыхъ мы ѣхали, множество экипажей обгоняли насъ, которые также какъ и мы ѣхали на балъ.

Весь городъ былъ ярко иллюминованъ, но домъ, въ которомъ долженствовалъ быть балъ, и площадь, отдѣляющая его отъ дворца, были иллюминованы великолѣпно и со вкусомъ: пальмы, щиты, фантанъ, освященные разноцвѣтными огнями, представляли видъ очаровательный.

Отъ тѣсноты экипажей не было проѣзду и потому мы рѣшились, оставивъ шинели наши въ колескѣ, идти пѣшкомъ. На крыльцѣ дома группа генераловъ и множество офицеровъ ожидали пріѣзда царской фамиліи. Проходя мимо ихъ и отдавъ у входа билеты наши офицеру, которому это было поручено, вступили мы въ залъ.

Нельзя описать, надо было видѣть своими глазами все великолѣпіе, всю роскошь убранства этой залы: какъ стѣны, такъ и потолокъ, въ видѣ шатра, драпировались бѣлой кисею, карнизы были покрыты фестонами изъ голубой шелковой матеріи съ блестящею золотой бахромой. Отъ карнизовъ и къ срединѣ потолка растилались розовыя ленты, спутываясь тамъ въ видѣ бантовъ. Всѣ стѣны украшались оружіемъ, кирасами, касками, въ видѣ изящныхъ арматуръ. Огромныя люстры были сдѣланы изъ штыковъ, по угламъ залы возвышались въ колоссальномъ видѣ канделабры также изъ оружія. Въ глубинѣ зала, между двумя проходами, оставленными въ буфетъ, поднималась отъ самаго полу до потолка живая стѣна, сдѣланная изъ ружей, пикъ и другаго оружія, которая къ потолку вѣнчалась нѣсколькими рядами ружей съ примкнутыми штыками, рядъ выше ряда, въ стволахъ ружей горѣли свѣчи, такъ что блескъ, который они отражали въ полированной стали штыковъ былъ почти невыносимъ для зрѣнія.

За этой стальной и огненной щетиной были устроены хоры для музыкантовъ. Во всю длину этой фантастической стѣны стоялъ роскошный диванъ, прикрываемый съ обѣихъ сторонъ отъ проходовъ въ буфетъ великолѣпно сложенными всѣхъ родовъ военными музы-

кальными инструментами; этотъ диванъ преимущественно назначался для царской фамиліи. Къ большому, описываемому мною залу, примыкали двѣ уборныя и четыре галереи для ужина. Всѣ они были также убраны кисею и оружіемъ; но та изъ галерей, въ которой приготовлены были столы для высокихъ посетителей, замѣчательна тѣмъ, что оружія, которыми она была убрана, принадлежали или древности или лицамъ историческимъ, что составляетъ вполнѣ рѣдкую драгоцѣнность для потомства.

Множество генераловъ, посланниковъ иностранныхъ дворовъ, русскіе офицеры и чужестранцы толпились въ залѣ. Смѣшенный говоръ сливался въ одинъ невнятный гулъ... Но вотъ музыка заиграла польское. При входѣ толпа заколыхалась, отхлынула и длинная цѣпь польскаго, начатая Императрицею, потянулась по залѣ.

Наконецъ начались контрдансы и я, не желая танцовать, началъ кочевать изъ угла въ уголъ, изъ зала въ залу, отъ одной кадрили къ другой, то разсматривая незнакомые мнѣ иностранные мундиры, то прислушиваясь къ толкамъ и сужденіямъ, то наблюдая за выраженіемъ физіономій, или любуясь на славу и надежду народа русскаго, на нашего Царя и на его порфирородное семейство.

О, какъ прекрасенъ онъ былъ на этомъ балу! Съ какою любовью смотрѣли на него всѣ эти толпы, тѣснящіяся вокругъ него — и я ни одинъ разъ почумалъ: кто болѣе его достоинъ повелѣвать народами?

Императрица, Великая Княгиня Елена Павловна, Наслѣдникъ и Великая Княжна почти непрерывно участвовали въ танцахъ.

Великая Княжна, эта прелестная копія своего высокаго родителя, болѣе всего обратила на себя мое невольное вниманіе. Здѣсь я видѣлъ её въ первой разъ вблизи. Свѣтлый умъ и величіе на челѣ, простота и благородство во всѣхъ движеніяхъ, неизысканный вкусъ наряда привязывали къ ней сердца; но, разсмотрѣвъ взглядъ ея ясныхъ очей и улыбку, оживляющую ея уста, всякой могъ бы почти ручаться, что скипетръ въ рукѣ ея могъ бы давать законы вселенной, а любовь къ подданнымъ воскресили бы въ лицѣ ея великую Екатерину. Послѣ танцевъ былъ ужинъ. Въ другой противуположной той галлереи, гдѣ ужинала царская фамилія и другія высшія лица, были приготовлены столы для дамъ, а въ двухъ другихъ галлереяхъ, примыкавшихъ къ буфету, расположились всѣ штабъ и оберъ-офицеры.

Послѣ ужина стали разъѣзжаться... Тѣмъ и балъ кончился!

Сонный, усталый возвратился я въ мою палатку, и, только что легъ и погасилъ огонь, былъ отъ души насмѣшенъ однимъ приключеніемъ.

Когда весь лагерь давно предавался покою, (было уже гораздо за полночь), одному изъ добрыхъ моихъ товарищей приснилась во снѣ тревога. Съ крикомъ «Сѣдлай! тревога!» выскочилъ онъ изъ палатки и переполошилъ этими восклицаніями и дежурнаго и многихъ своихъ сосѣдей.

Бывши твердо увѣренъ, что тревоги быть не могло, я помиралъ со смѣху, когда до слуха моего начали доходить вопросы пробужденныхъ: гдѣ тревога? кто сказалъ, откуда взяли? Однако чрезъ нѣсколько минутъ все опять замолкло и я заснулъ.

1-го сентября всѣ полки выступили за 12 верстъ отъ Вознесенска по дорогѣ къ Александровкѣ. Отсюда начались маневры и кончились около полудня уже подъ самымъ Вознесенскомъ. Драгуны спѣшивались не одинъ разъ!..

Возвратясь въ лагерь, я, не ожидая ничего, пренебрегъ послѣ обѣденнымъ сномъ, думая вознаградить себя въ ночь, но какъ ужасно былъ разочарованъ.

Поужинавъ въ трактирѣ и безпечно шагая къ моему временному обиталищу, я вдругъ услышалъ, что около меня поговариваютъ о сѣдланіи лошадей. Сначала я самъ себѣ не повѣрилъ, но потомъ, сказать по совѣсти, съ большимъ прискорбіемъ узналъ, что намъ съ вечера велѣно выступать на позиціи и что съ завтрашняго дня начнутся большіе маневры.

Нечего дѣлать, надо садиться на лошадь. Прощайте сладкія мечты о сладкомъ снѣ. Мы выступили и тихо потянулись мимо всего лагеря, мимо города и у моста, лежащаго чрезъ Бугъ по большой дорогѣ въ Одессу, имѣли привалъ. Завернувшись въ шинель и лежа на сырой травѣ, я невольно вспомнилъ наши бивуаки во время польской кампаніи и самъ устыдился своей лѣни.

Чрезъ мостъ почти цѣлую ночь тянулись войска; на разсвѣтѣ перешли и мы и за нѣсколько верстъ отъ Вознесенска заняли нашу позицію.

Описать маневры этого дня, для фронтоваго офицера, невозможно. До слуха моего доходили только изрѣдка выстрѣлы артиллеріи, видѣлъ я только движеніе нашихъ колонъ и болѣе почти ничего не видалъ...

Бивуакъ нашъ на эту ночь былъ подъ самымъ Вознесенскомъ.

3-го сентября съ ранняго утра начали маневры. Долго спѣшенныя драгуны занимали городъ, но когда должны были его оставить, сѣли на лошадей и нашъ полкъ первый имѣлъ честь ударить въ аттаку на уланъ, которые зашли намъ въ тылъ.

Нѣсколькими аттаками кончились маневры и войска потянулись по лагерямъ.

4-го числа нашъ полкъ выступилъ въ обратный походъ.

На лицахъ всѣхъ была написана радость; конецъ трудамъ, конецъ бивачной жизни въ безпредѣльныхъ степяхъ. Снова на постоянныя зимовыя квартиры, на тихую службу.

Съ музыкой потянулись эскадроны по дорогѣ, а я стоялъ и грустно, грустно смотрѣлъ имъ въ слѣдъ; я какъ будто прощался на вѣкъ съ ними, какъ будто предчувствовалъ, что въ послѣдній разъ въ Вознесенскѣ занималъ я мѣсто въ стройныхъ рядахъ ихъ!..

Прощайте товарищи!

— —

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

По выступленіи полка я еще до вечера оставался въ лагерѣ вмѣстѣ съ двумя или тремя товарищами, которые имѣли различныя назначенія по службѣ. Не могу вспомнить того впечатлѣнія, какое произвелъ на меня тогда опустѣвшій лагерь и эта гробовая тишина и безмолвіе послѣ непрерывнаго шума. Тамъ, гдѣ за нѣсколько часовъ кипѣла жизнь, только вѣтеръ осенній, свистя, гулялъ межъ покинутыми шатрами и, хлопая полотномъ о древки, наводилъ на душу невыразимое уныніе.

Разорванныя тучи, гонимыя осеннимъ вѣтромъ, быстро неслись по небосклону и луна—красавица южныхъ ночей, проглянувъ на мигъ, опять надолго спѣшила спрятаться за облаками, какъ будто грустила, что некому любоваться ею.

Въ это время я понялъ всю прелесть общественной жизни и, не въ состояніи будучи вынести тоски, стѣснявшей мое сердце, не смотря на просьбы моихъ товарищей остаться ночевать въ лагерѣ, часовъ въ 10 вечера, отужинавъ въ послѣдній разъ въ трактирѣ нашихъ полковыхъ маркитантовъ жидковъ, отправился въ Вознесенскъ.

На другой день удалая тройка мчала уже меня по дорогѣ къ Елисаветграду. Тутъ я забылъ все, я былъ веселъ, я летѣлъ на свиданье.

Но пора кончить. Чувствую, что мало занимательнаго въ моихъ описаніяхъ, да и что могло быть занимательнаго въ запискахъ офицера, служившаго во фронтѣ, которому рѣдко удавалось видѣть далѣе своей полковой колоны, да и кому, сказать правду, не знакомы смотры и лагерная жизнь?..

Чтоже касается до походныхъ записокъ, то не сердитесь, любезные читатели, ежели, прочтя ихъ, мало нашли въ нихъ мыслей и красотъ литературныхъ. На это двѣ причины. Первая, что мы шли не чрезъ поэтическое отечество древнихъ римлянъ—цвѣтущую Италію, ни даже не чрезъ ученую Германію, а просто чрезъ Малороссію, страну, которой не прошло еще столѣтія, какъ начала выходить изъ полудиковоинственнаго состоянія къ гражданской образованности. Вторая, я не хотѣлъ вымышлять для моихъ записокъ ни приключеній, ни анекдотовъ, не хотѣлъ вносить въ нихъ разговоровъ, никогда не говоренныхъ, по методѣ большей части ли-

тераторовъ — путешественниковъ, а писалъ только то, что могъ запомнить и передать бумагѣ изъ видѣннаго и перечувствованнаго мною; однимъ словомъ, записки мои я думалъ писать не для печати.

Все мгновенно, все пройдетъ,
Что пройдетъ, то будетъ мило.

А покуда въ настоящемъ пусть будетъ:

КОНЕЦЪ.